

прописной буквы, подчеркивая этим его отнесенность к миру божественному.

Предикат взят из древнейшего христианского гимна "Свете тихий", который поется на вечернем богослужении: "Свете тихий святые славы, Бессмертного, Отца Небесного, Святого Блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний... (выделено мной - М.Т.)". Данный гимн знаменует чувство радостного ожидания Спасителя, который просветит сердца людей. Образ углубляется, онтологизируется, в произведение иносказательно вводится вторая ипостась Святой Троицы - Сын Божий. Можно сравнить использование этой фразы с функциями аналогичных деталей описаний пейзажа или интерьера в других текстах. Например: "В комнате было вечернее солнце, и играл на обоях зайчик. Этот вечерний свет был знакомый, предпраздничный свет весеннего вечера".

И. Тюрина
Томск

ОБРАЗ ОРФЕЯ В ДИОНИСИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЯЧ. ИВАНОВА

(статья "Орфей растерзанный" из сборника "Прозрачность")

Бог Дионис в "прозрачности" предстает как символический образ, выполняющий несвойственную для классического бога Диониса функцию покровительства поэту. Бог Дионис для Вяч. Иванова - главенствующая фигура творческого процесса, потому что поэт призван не только творить гармонию, не только взывать к жизни тайное тайных человека, но он сам должен пройти жертвеннический путь в создании своего творения. В этом и заключается основная идея стихотворения "Орфей растерзанный". В канонический сюжет о смерти Орфея, растерзанного менадами, Вяч. Иванов вводит своеобразную прамбулу гибели Орфея и тем самым переосмысливает его смерть.

В античном мире Орфей олицетворяет собой совершенство искусства как гармонизирующего начала. У Вяч. Иванова подчеркнута чудесная сила "напевов" Орфея: "Вомните, девы, ночного моря, / Мои напевы! Творите строй!...". Орфей-художник у Иванова осознает свою силу, дающую власть над Хаосом и возможность превратить его в Свет. Важно подчеркнуть решимость Орфея следовать по выбранному пути до конца. Для него важно не просто осветить и освятить носителей "смуты и стонов", "Хаоса души" - Океаниды, но преобразовать Хаос как негативное бытийное начало. Поставленная задача гораздо масштабнее

той, что предлагают Орфею Океаниды; но она и требует гораздо большей жертвы, нежели последняя, о которой Орфей знает заранее: “Я жду. Исполнишь кровью. Брызни, / Луч, жрец предвоенного огня! / И лик твой жертвенный - меня / Венчай во исполнение Жизни!” Сделав это, Орфей освободил не только Океанид от “препон” и “цепей”, но вобрал, поглотил вселенское “глухое горе”.

Такая трактовка образа Орфея неизбежно приводит к выводу о космогонической ориентации ивановской философии: общеизвестно, что умирающий и возрождающийся бог - орудие упорядочения космического бытия. Умирая, бог “как бы” “вбирает” в себя разрушительные элементы, жертвует собой, но спасает и возрождает мир, восполняя его истощенные энергии. Благодаря божественному “фильтрованию” в мир поступает “очищенная” энергия. Таким образом, Орфей, отвергая “спасительную тропу” Океанид, сознательно гибнет, стремясь тем самым отстоять верность своему предназначению: “лирой славить” мир.

Орфей в стихотворении наиболее цельный и законченный образ. В своем жертвенном восхождении он достигает Олимпийских высот и из смертного превращается в бога: недаром менады утверждают, что в момент смерти “земного” Орфея “бога с богом разлучили, растерзали вечный лик”. Так автор снимает оппозицию “смертный (человек) - бессмертный (бог)” и тем самым им провозглашается реальная возможность для поэта быть причисленным к небожителям. При этом подчеркнем отсутствие в образе Орфея дуализма, поскольку божественный статус - это высшая ступень, на которую поднялся Поэт в результате жертвеннического творчества, а не изначально дарованная милость.

Однако образ Орфея окружен не столь “ценными” персонажами. Например, Океаниды выступают в двойственной роли вампиров-губительниц и одновременно спасительниц Орфея. Гибель Орфея представляется им вдвойне необходимой: во-первых, Океаниды вампирически нуждаются в живительных соках орфеевой души как эликсире чистоты и света. Во-вторых, необходимость “духовной” смерти обосновывается Океанидами собственным спасением Орфея из плена одиночества, о котором упоминается в античной мифе.

Океаниды осуждают индивидуалистическую замкнутость жизни Орфея и настойчиво требуют жертвы во имя их собственного спасения, т.к. впустить Хаос в свою душу - это тоже жертва, хотя и не конечная физически. Океаниды, таким образом, предлагают Орфею свой путь возрождения, потому что истина не только в безупречности самого

Орфея, но в возможности изменить окружающих к лучшему посредством самопожертвования.

Такая двойственность образа Океанид перекликается с дуализмом менад, стремящихся физически “растерзать” Орфея. В классическом мифе Орфей погибает от рук менад из-за своего отказа участвовать в их веселых праздниках. В ивановской интерпретации, однако, причина смерти Орфея, как говорилось выше, принципиально иная. Когда Орфей, выбрав путь гораздо более трудный, нежели ему предлагали Океаниды, становится богом - носителем Света и жертвенного начала тоже, он тем самым уподобляется другому богу, растерзанному и воскресшему.

Такая аналогия судеб Орфея и Диониса изменяет статус менад: они растерзали Орфея, улучив “полноты верховный миг”, т.е. в момент наивысшего рассвета преображающего божественного дара затем, чтобы преображение мира повторялось. Менады, таким образом, одновременно и носители смерти, и необходимая сила для преобразования бытия.

Итак, Вяч. Иванов определяет созидательный акт творчества как некую жертвенность во благо миру. И, если “светлоризый Аполлон” - это символ гармонизированного бытия, то все же главенствующее условие его появления - растерзание Вакха. Поэтому Орфей-Поэт для Вяч. Иванова - “растерзанный”, а Аполлон - “влюбленный”, блаженствующий в уже созданном мире радости, счастья, благодати (“Аполлон влюбленный”). Так Вяч. Ивановым утверждается онтологическая необходимость Художника-созидателя, который не только утверждает в творчестве абсолютные духовные ценности, но преображает в соответствии с ними косную материю.

И. К. Феоктистова
Омск

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ УРАЛЬСКИХ ПРЕДАНИЙ

Уральская научная школа по изучению региональной несказочной прозы по праву занимает одно из ведущих мест в отечественной фольклористике. Трудно переоценить вклад ученых УрГУ по собиранию, сохранению, публикации и исследованию преданий. Масштабы этой работы вызывают уважение и желание принять ее за образец. Однако богатство местной традиции таково, что, несмотря на ряд проведенных исследований, до сих пор некоторые аспекты изучения преданий остаются в тени. Например, не было проведено специального